

Проблемы лексикологии и ономастики пермских языков

Гайдамашко Р.В.
г. Санкт-Петербург

Коми-пермяцкая лексика в русских говорах Верхнего Прикамья: вопросы дифференциации и идентификации типов субстрата

Неоспоримо, что изучение финно-угорского воздействия на русские говоры имеет ценность не только для русской диалектологии и этимологии, но и для финно-угроведения в целом, так как лексика финно-угорского происхождения в русских говорах (особенно – в говорах севернорусского наречия) часто хранит лексические формы и значения, утраченные живыми финно-угорскими языками (resp. диалектами) или воспринятые от носителей финно-угорских идиом, ушедших в прошлое.

Лексика коми-пермяцкого происхождения в русских говорах Прикамья неоднократно становилась объектом изучения в трудах Я. Калима (1927),

А.К. Матвеева [4; 5; 6], А.С. Кривошёковой-Гантман [2], Е.Н. Поляковой [8; 9] и др., однако некоторые лексемы до сих пор не имеют достаточно убедительных этимологий, потому что многочисленные факты, засвидетельствованные современными диалектными, а также этимологическими словарями, были неизвестны указанным исследователям. Принятый диалектной лексикографией обычай указывать населённый пункт или район, в котором была записана лексема, во многом способствует этимологизации коми-пермяцкой субстратной лексики, позволяя сужать ареал субстратного явления до границ отдельного коми-пермяцкого наречия, диалекта, говора.

В данной работе коми-пермяцкий (кп.) лексический субстрат в русских (рус.) говорах Верхнего Прикамья проанализирован более в этимологическом аспекте, нежели в лингвогеографическом, что вызвано форматом статьи. До обсуждения материала необходимо осветить исторический фон проблемы.

Верхнее Прикамье начало активно осваиваться русскими с XV в., особенно после присоединения Перми Великой к Московскому княжеству в 1472 г. Заселяли Прикамье в основном выходцы с Русского Севера и прилегающих к нему регионов, поэтому русские говоры Верхнего Прикамья в своей основе севернорусские (подробнее о формировании и развитии русских говоров Верхнего Прикамья см. у Е.Н. Поляковой [9]). К моменту своего переселения на Западный Урал русские уже имели многолетний опыт общения с финно-уграми Русского Севера, в том числе и с носителями различных коми диалектов, результатом чего является значительный лексический фонд коми происхождения в говорах севернорусского наречия, например, коми вымский и верхневычегодский субстрат в русских говорах верхнего бассейна Вычегды, коми удорский субстрат в русских говорах Примезенья и т.д. В Верхнем Прикамье колонизаторы среди автохтонного населения встречали коми-пермяков, часть которых в конце XVI – начале XIX вв. расселилась по обширному бассейну р. Язьвы, и теперь они известны как коми-язвинцы [3: 10–13], а северо-восточные и южные носители родановской культуры, пройдя этап билингвизма, к XIX в. полностью обрусели [7: 46], поэтому значительный по объёму коми-пермяцкий субстрат фиксируется в русских говорах на территории Гайнского, Чердынского, Красновишерского, Соликамского, Усольского, Добрянского, Ильинского, Карагайского районов Пермского края.

Таким образом, в русских говорах Верхнего Прикамья следует дифференцировать три типа лексики коми происхождения: 1) коми диалектная лексика, усвоенная русскими на севере Европейской части России до прихода на Урал; 2) местный коми-пермяцкий субстрат; 3) незначительный коми-язвинский адстрат (представлен лишь в тематической группе «Охота»). Лексика первого типа проникала в русские говоры Верхнего Прикамья на протяжении более пяти столетий с середины XV в., поэтому весьма гетерогенна по составу и охватывает все тематические группы лексики; лексика второго типа примерно с того же времени и по наши дни усваивается как субстрат в различных частях обширного бассейна Верхней Камы, поэтому также может

восходить к разным источникам; лексика третьего типа – это сравнительно поздний адстрат, распространившийся, очевидно, благодаря интердиалектному характеру лексики охотничьего промысла.

Кп. субстрат в рус. говорах Верхнего Прикамья представлен далее в нескольких разделах, в зависимости от предполагаемого кп. наречия, послужившего источником для каждой лексемы. Материал по возможности приводится в том виде, в каком он представлен в цитируемых источниках.

Кп. сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка:

Балебан (Тиуново Гайн.), *балебан* (Усть-Чикурья Гайн.) ‘кустарниковое растение жимолость’ [18: 52], при кп. сев. *бальянь*, кп. левичан. *бальяня* ‘жимолость (кустарник и ягоды)’ [13: 25], букв. ‘овечий сосок’. Изменение консонантного состава рус. слов надлежит объяснять как результат регрессивной диссимилиации *n~n* или контаминации с рус. *балобан* ‘болтун, пустослов’ (Кр.; Чер.) [18: 53], или того и другого.

Бачка ‘грудная клетка, грудь птицы или человека’ (Акчим Кр.; Редикор Чер.) [12: 56; 18: 71], при кз. диал. *бака*: верх.- выч., ср.- сьс. ‘грудные мышцы у птиц, мякоть, облегаяющая грудную кость’, луз. ‘грудная кость у птиц’ [61: 16], лет. ‘детская игрушка из птичьей кости’ [15: 36]. Полагаем, что в основе рус. *Бачка* – осложнённая рус. аффиксом лексема из субстратного говора, географически занимавшего промежуточное положение между кз. верх.- выч. и кп. сев., или собственно из кп. сев., иначе остаётся необъяснимым отсутствие параллелей в рус. говорах при неоднократных фиксациях на ограниченной территории на самом севере Пермского края.

Быглян ‘небольшая деревяшка цилиндрической формы, которую использовали в качестве игрушки’ (Харино Гайн.) [18: 174], при кп. сев. *быглян* ‘шар; нечто круглое’ [13: 48].

Кп. южн. – южное наречие коми-пермяцкого языка:

Аба́кша ‘небольшая рыба с толстой головой’ (Чус.) [6: 286], ‘обращение к маленькому ребёнку’ (Никулино Доб.) [16: 8], при кп. *abatš* ‘пугало, чучело’ [21: 1], кп. *abatš šed aba-rš* ‘schwarzes’ [23: 1], кз. выч. *abatš* ‘пугало, чучело’, *abatša pašta* ‘широкорожий’ [22: 32]. Предположение о южно-коми-пермяцкой природе лексемы вызвано ареалом на рус. почве.

Апрак ‘толк, умение’, \diamond *апраку нет* ‘нет сил; нет покоя, отдыха’ (Толстик Сол.; Пож, Сергеева Юр.; Мусонькино Кар.) [16: 594; 17: 43], при кп. пешнигорг. *апрак* ‘умение; смекалка’ [13: 19]. Кп. слово, при отсутствии когнатов, в свою очередь может быть заимствованием.

Ижман, *у́жман* (Коми-Перм.) [6: 293], *ижман* (без уд.) ‘жимолость’ (1965 Юр.) [19: 80], *ижман*, *ижуман* (без уд.) ‘жимолость голубая’ (Ил.; Кар.) [2: 54], *ижман* (Каргино Ил.), *ижуман* (Зориново Кар.) ‘род кустарников (иногда вьющихся) семейства жимолостных’ [16: 344], *жман* (Рождественское Кар.), *ижман* (Посад Кар.; Илаб Сол.), *южман* ‘жимолость’ (Илаб Сол.) [14], при кп. *ыжман*, кп. ошиб. *ижман* ‘жимолость (кустарник и ягоды)’ [13: 578].

Краткие выводы. Последний пример, совместно с первым (см. выше *балебан/балеван*), наглядно демонстрирует, что к моменту освоения русскими

Верхнего Прикамья северные и южные коми-пермяки уже были достаточно отделены друг от друга территориально, что приводило к развитию инноваций или сохранению архаичных языковых черт внутри диалектных групп. Так, кп. *балянянь, баляняня* является «севернокоми-пермяцкой инновацией» [10: 207], в то время как в говорах южного наречия коми-пермяцкого языка и повсеместно в коми-зырянских диалектах для обозначения жимолости используется исконно пермская, согласно [15: 328–329], лексема *ыжман* (кстати, в КЭСК же указано, что «формы типа *ыжнёнъ* получились в результате народной этимологии», при кз. *ыж* ‘овца’, *нёнъ* ‘сосок’). Оба слова, в результате адаптации претерпев фонетические изменения, сохранились в коми-пермяцком субстрате русских говоров Верхнего Прикамья, при этом варианты лексемы *баляняня* образуют чёткий, но неширокий ареал на самом севере Пермского края (Гайн.), видимо, примерно совпадающий с территорией не очень давнего обрусения носителей северного наречия коми-пермяцкого языка, а русские рефлекс лексемы *ыжман* образуют ареал, будучи равномерно распределены в центральной части Верхнего Прикамья (Сол.; Юр.; Ил.; Кар.), где преобладали говоры южного наречия коми-пермяцкого языка [1: 5–10].

Безусловно, корректным этимологическим и лингвогеографическим выводам часто мешает неодинаковая степень изученности коми-пермяцкой диалектной лексики и, как следствие, неравномерное её представление в словарях, но, как бы то ни было, этимологический анализ русской лексики коми-пермяцкого диалектного происхождения позволяет: очертить некоторые области, внутри которых проявляются непрерывные диалектные континуумы; реконструировать утраченную (или изменённую) форму коми-пермяцкой лексики; уточнить детали семантики; восстановить лексические данные, не отмеченные коми словарями и пр.

Сокращения

Районы Пермского края

Гайн. – Гайнский; Доб. – Добрянский; Ил. – Ильинский; Кар. – Карагайский; Кр. – Красновишерский; Куд. – Кудымкарский; Сол. – Соликамский; Чер. – Чердынский; Чус. – Чусовской; Юр. – Юрлинский; Юс. – Юсьвинский.

Литература и источники

1. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М., 1975.
2. Кривощёкова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. – С. 46–62.
3. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М., 1961.
4. Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959.

5. Матвеев А.К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. – М.; – Л., 1962. – С. 127–142.
6. Матвеев А.К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 14, f. 3-4. – Budapest, 1964. – P. 285–315.
7. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск, 1990.
8. Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь, 2006.
9. Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья. – Пермь, 2009.
10. Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2002.
11. Kalima J. Syrjänische Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. XVIII, hft. 1-3. – Helsinki, 1927. – S. 1–56.
12. АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1–6. – Пермь, 1984–2011.
13. КПРС – Баталова Р.М., Кривошёкова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985.
14. КСРГСП – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
15. КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.
16. СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Вып. 1–2. – Пермь, 2000–2002.
17. СРГКП – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. И.А. Подюков. – Пермь, 2006.
18. СРГСП – Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И.И. Русинова. Вып. 1. А–В. – Пермь, 2011.
19. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–44. М.; Л.; – СПб., 1965–2011.
20. ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А. Сорвачевой. – Сыктывкар, 1961.
21. SDW – Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem Wotjakisch-deutschen, im anhangе und einem Deutschen register, von F.J. Wiedemann. – St. Petersburg, 1880.
22. SWb – *Fokos-Fuchs D.R.* Syrjänisches Wörterbuch. Bd. I–II. – Budapest, 1959.
23. SWs – Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgez. von Y. Wichmann. Bearb. und hrsg. von T.E. Uotila. – Helsinki, 1942.